

— Посмотри на то облако в небе, не напоминает ли оно тебе те семьсот юаней, которые ты мне проиграла?

Ся Гуан кашлянула и чуть не подавилась жемчужиной из своего чая. Она бросила на Сун Шую такой взгляд, что в нём отчетливо читалось: «У тебя вообще есть хоть капля стыда?»

— Нет, — невозмутимо ответила Сун, чья наглость была непробиваемой, как удохлой свиньи, которой не страшен кипяток. — Кто заставил меня поверить, будто мою пижаму надевал кто-то другой? Считаю это компенсацией за моральный ущерб.

Ся Гуан не стала спорить, кто из них первой начал разводить демагогию. Она достала телефон и быстро отправила перевод:

— Отправила.

— Вот это я понимаю! Сегодня обед за мой счёт!

— ...

Сказала так, будто она великая щедрица.

Хотя на дворе стояла середина лета, на улице Хэфан было много деревьев и воды. Идти под сенью листвы, слушая журчание ручьев, было куда приятнее, чем под палящим солнцем.

Ся Гуан не любила сладкое, особенно молочные продукты, но сегодня, сама не зная почему, купила стакан чая с молоком. Правда, сделав пару глотков, тут же отправила его в урну.

В мгновение ока пронеслось больше десяти лет.

— Красиво выбросила.

— Я решила вернуться, — Сун Шую доела последнюю лапшину и допила бульон до последней капли. — Столько лет ела рыбу с хлебом, а поняла, что больше всего скучаю по вкусу лапши у нашего дома.

На улице Хэфан было не протолкнуться: на мостах и в беседках толпились девицы в ханьфу, устраивая фотосессии. Модели уже приняли позы, фотографы подняли камеры — и что теперь делать? Игнорировать их и нагло лезть в кадр или, стиснув зубы, ждать, пока они закончат?

Неподалеку от улицы находилась лапшичная Нью Сяолун, где подавали говяжью лапшу в старом ханчжоуском стиле. Вкусы Ся Гуан и Сун Шую редко совпадали, но в отношении этого

места они были единодушны.

Южная лапша уступала северной по упругости — она была мягкой, ломалась от одного прикосновения палочек, но бульон был бесподобен. Прозрачный, чистый, сваренный на говяжьих костях без единой специи, он обладал насыщенным ароматом. Стоило сделать глоток, как все остальные костные бульоны, что ты пробовал раньше, казались жалкой подделкой. Добиться просто «вкусного» аромата несложно, но вот сделать его освежающим и нежирным — это уже мастерство.

— Может, мне вытащить его обратно, чтобы ты допила?

Ся Гуан не успела сделать и пары шагов, как сзади раздался звонкий крик:

— Сестрица Гуан!

Последние два года в лапшичной стоял кондиционер, а раньше, когда они с Сун Шую тайком выбирались из школы по вечерам, под потолком лишь скрежетал старый вентилятор. После миски горячей лапши они выходили на улицу, обливаясь потом, покупали ледяную колу, а потом полночи гуляли по берегу Сиху, обсуждая, как писать объяснительные за побег из общежития.

Даже такая любительница острого, как Сун Шую, здесь не осмеливалась добавлять перец — это портило вкус. Уксус — тоже.

Ху Мяо: «...»

Этот парень в большинстве случаев казался человеком, лишенным каких-либо эмоций.

Ся Гуан не стала рассыпаться в любезностях, лишь кивнула:

— Прочитано. Свободен.

Они доели и неспешно направились к бывшей резиденции Ху Сюэяня. Выходные в разгар летних каникул означали одно: толпы туристов. Купив билеты и встав в очередь, они тут же пожалели о своем решении.

Ся Гуан и Сун Шую предпочли развернуться и уйти.

Но он был надежным человеком.

Ся Гуан неторопливо допивала бульон ложкой:

— Как хочешь.

Этот голос, это обращение... Ся Гуан обернулась и увидела физиономию Ху Мяо, похожую на бутылку из-под пива. Рядом стояла девушка в стиле лолита — невысокая, на каблуках она едва доставала ему до подмышки. Вероятно, его девушка, еще студентка.

— Расточительство — это позор, — заметила Сун Шую.

За столько лет дружбы она ни разу не видела, чтобы Ся Гуан плакала или пыталась кого-то удержать. Если Сун Шую просила помочь с английским — она помогала; если та хотела уехать — она провожала; если хотела вернуться — она встречала.

Так было и раньше: когда Сун Шую внезапно заявила к ней домой и объявила, что переводится в другую школу за границей, Ся Гуан лишь равнодушно бросила: «Как хочешь».

— Нет-нет, — Ху Мяо догнал их. — Хорошо, что встретил, мне нужно кое-что тебе сказать.

Ся Гуан промолчала. Ху Мяо знал, что это значит «говори быстрее, не тяни кота за хвост», и продолжил:

— Филиал в Шанхае решил полностью сменить направление на инкубатор интернет-знаменитостей и электронную коммерцию. В Ханчжоу мы пока сохраняем традиционные стримы, но если трансформация пройдет успешно, мы полностью откажемся от старого формата. У тебя есть какие-то возражения? Если есть, я обсужу это с другими акционерами.

— Нет возражений, решайте сами, — ответила Ся Гуан.

Она была единственным акционером, который только вкладывал деньги и не лез в дела, но при этом владела самым большим пакетом акций. Каждый раз, когда Ху Мяо затевал что-то серьезное, он пытался узнать её мнение, хотя ответ всегда был один: «Решайте сами».

Черт возьми! Он чувствовал себя неблагодарной нянькой, которая пашет за всех!

Ся Гуан изнывала от жары. Она уже хотела утащить Сун Шую подальше от этого места, но, сделав пару шагов, вдруг о чем-то вспомнила и обернулась:

— Кстати, а стримером быть тяжело?

— По-разному. Традиционные стримы — довольно тяжелый труд, — Ху Мяо принялся серьезно анализировать. — Особенно для тех, кто делает ставку на внешность. Если в конце концов никто не будет им донатить, они очень легко могут «скатиться на дно».

— На дно? — Ся Гуан нахмурилась. — Почему?

Ху Мяо усмехнулся:

— Сестрица Гуан, такие девушки, как ты — обеспеченные и способные — в меньшинстве. В наше время полно красивых, но бедных девчонок. У них нет ни образования, ни ума, красота — их единственный капитал. Поживут три-пять лет на пике славы, а когда упадут, даже не будут знать, кто они такие и чего хотят.

— Человек, который привык зарабатывать деньги, просто сидя на месте, вряд ли захочет снова встать на ноги.

Привыкнув к жизни, где за пустую болтовню можно получать пятизначные, а то и шестизначные суммы, захотят ли они идти на работу с девяти до шести за пару тысяч?

Легко перейти от бережливости к роскоши, но трудно — от роскоши к бережливости.

После выхода из резиденции Ху Сюэяня Ся Гуан была мрачнее тучи. Хотя она и так почти всегда ходила с «лицом мачехи», Сун Шую заметила, что сегодня с ней что-то не так.

— Что случилось? Климакс на двадцать лет раньше срока пришел с тобой в шахматы играть? — связвила Сун Шую.

Ся Гуан буркнула «отвали» и подняла глаза: девичий виноград карабкался по белой стене к самому верху, сплошная зелень — от этого вида у неё на душе стало тяжело.

Рисовая лапша с рыбным тофу за двенадцать юаней, слабоострая, поменьше уксуса, без соевой пленки.

Чжу Юй оформила заказ и вышла из студии. Две новенькие вчера неплохо показали себя на первом стриме, и Цинцзы сейчас оформляла с ними договоры.

В офисе, помимо кабинетов и студий, было огромное открытое пространство — только у входа стоял диван и журнальный столик, где стримеры могли перекусить.

Обе девушки взяли себе псевдонимы: одну звали Сянсян, другую — Цинтянь. Сянсян было семнадцать, она была несовершеннолетней, что противоречило правилам сайта, но это было неважно: у Цинцзы и Бяо-гэ всегда находились способы раздобыть чужие удостоверения личности. После прохождения проверки сайт уже не следил, кто именно ведет трансляцию.

Именно так в свое время пробилась Цюцзы.

— Тут слишком много букв, у меня голова болит, — пожаловалась Сянсян, глядя на контракт.

— Не нужно читать, просто подпиши, — сказала Цинцзы, затягиваясь сигаретой.

— А если мы подпишем, а потом не захотим работать? Это будет считаться нарушением закона? — спросила Цинтянь, внимательно изучившая контракт.

Она выглядела старше, явно не из тех, кто берет юной свежестью, но фигура у неё была что надо — четвертый размер, как раз тот тип «зрелой женщины», от которого многие мужчины теряют голову.

— Если не захотите работать — просто предупредите меня или Бяо-гэ заранее. Мы никого не держим насильно, в конце концов, мы просто знакомые. — Цинцзы выпустила кольцо дыма. — Этот контракт нужен, чтобы вас не переманили на другие сайты. Даже если уйдете, пока действует договор, вы не имеете права стримить где-то еще, иначе это нарушение условий, и вам придется выплатить штраф в сто тысяч.

Цинтянь ахнула и заколебалась. Сянсян же быстро поставила подпись и, указав на Чжу Юй, вышедшую из студии, спросила:

— Через сколько я смогу зарабатывать столько же, сколько она?

С тех пор как Цюцзы стала популярной, она превратилась в живую вывеску этой маленькой студии.

Цинцзы усмехнулась:

— Это зависит от того, сможешь ли ты удержать аудиторию. Я сама вела Цюцзы, я её знаю: стоило мне дать пару советов, как она тут же понимала, что к чему. Если ты такая же умная, как она, долго ждать не придется.

До начала стрима оставался час. Чжу Юй была без макияжа, её лицо размером с ладонь выглядело бледным и чистым, а в глазах, казалось, всегда стояла влага. Не только мужчины, но и женщины при виде такой хрупкой красавицы теряли дар речи.

Цинцзы поманила её к себе и, вглядываясь в лицо, спросила:

— Почему ты так сильно похудела в последнее время?

Чжу Юй слабо улыбнулась:

— После стримов очень устаю, не хочется есть.

— Так нельзя, человек — это сталь, а еда — это железо. — Цинцзы достала телефон. — Я попрошу Бяо-гэ купить закусок, хлеба, пусть лежат в офисе. Если проголодаешься во время трансляции — просто возьми и поешь.

— Спасибо, сестрица Цинцзы, не стоило беспокоиться.

— Замолчи, я всё равно куплю.

Цинтянь и Сянсян переглянулись, словно говоря: «Видала? Вот что значит статус главной звезды».

Едва Чжу Юй вышла подышать, привезли доставку. Она унесла пакет в студию, открыла крышку и сразу увидела соевую пленку, плавающую в бульоне.

Жирная, как половая тряпка.

Она подумала, что повар был слишком занят и не заметил примечания, поэтому не стала ставить плохую оценку, а просто съела всё вместе с лапшой.

В студии не было ни кондиционера, ни окон, только маленький вентилятор, который она купила сама. Часто во время стримов у неё кружилась голова от нехватки воздуха.

Она не строила из себя героя: когда становилось плохо, просто говорила зрителям, что приболела. Её хрупкий вид часто действовал на «старших братьев» как красная тряпка на быка — они начинали тратить все свои запасы, лишь бы она поскорее закончила стрим и пошла отдыхать.

Но сегодня ситуация была особой. Во время битвы с Сянсян та постоянно пыталась переманить зрителей из её комнаты к себе. Хотя ушло немного, Чжу Юй уже почувствовала хитрость и коварство этой девушки.

Ей всего семнадцать... — подумала она, но тут же осеклась: кажется, ей самой было восемнадцать.

Сегодня вечером у неё появился новый зритель, который оформил подписку «защитника» — семьсот юаней в месяц, как раз порог для добавления в WeChat.

После того как она добавила его, он сразу перешел к делу:

— Привет, я из ханчжоуской медиакомпании «Цюйго», можешь поискать нас в интернете. Я считаю, что у тебя огромный потенциал, не хочешь обсудить это подробнее?

Название города «Ханчжоу» заставило сердце Чжу Юй биться чуть быстрее, но она заставила себя успокоиться.

Никнейм пользователя был «Своенравный», а на аватарке — Пикачу.

Было много скаутов, которые хотели её переманить, но большинство просто писали в личку во

время стрима. Этот был первым, кто вот так открыто дарил подарки, чтобы получить WeChat.

У Чжу Юй разболелась голова. Она продолжала улыбаться и общаться со зрителями, одновременно невозмутимо печатая ответ:

— Извините, я решила больше не заниматься стримами.

<http://bllate.org/book/22326/2338465>